

Илья Нустоватый

ЭТОТ ДУРНЯШКА МОГ НРАВИТЬСЯ...

105

*И всё же факт удивительный: самый русский поэт по
происхождению – эфиоп!
В этом мудрая ирония и даже лёгкая издёвка...
Формальный повод вспомнить о нём сегодня – юбилей.
И всё-таки попробуем сделать это неформально...*

Бедный Пушкин

Около 9 часов вечера. Поэт прибыл на Васильевский перевоз. Волгу пересекали при факеле. Пушкин хотел было заночевать в Васильеве, однако... Частые разбои и даже убийства вынудили властей установить на въезде в посёлок чёрный столб с предупреждением к путешественникам об опасности.

О том, что поэт был беден, известно всем. Перед тем, как отправиться в Казань и далее, он записал: «В дорогу собирались спешно. Никиту посылал к разным знакомым с записками об одолжении денег. На деньги, взятые у Вяземской, купили модную, даже щегольскую коляску».

Заглянем в дорожный сундучок-подголовник, который неизменно путешествовал с Александром Сергеевичем по многим дорогам Российской империи. В нём ждали своего часа: бумага почтовая, перья, чернильница, калоши, фляжка рома, 4–5 фунтов голландского сыру, горчица, курительница и аллюметт – предок зажигалки в виде серебряного цилиндра, где томился огонёк. В особый ларец был уложен талисман – перстень с сердоликом и еврейской надписью. На пальце носить его было тяжело.

Тайники для денег по обыкновению устраивали в обшивке кресла или дверцы. Их изготавливали столичные мастера – изобретательные умы на всякие там хитроумные штуки. Тайник-то у Пушкина был, но вот денег...

Прошляпили!

Пушкин прибыл в Казань глубокой ночью 5 сентября 1833 года. В тогдашней официальной газете «Казанские губернские ведомости» – ни строчки о его приезде, зато газета оповестила о прибытии в город среди прочих особ некоего дворянина Дубровского по делам сгоревшего имения.

В то время в газетах отводилась специальная колонка, где сообщалось о прибытии в город не только значимых лиц, но даже купцов. А у Пушкина в подорожной было записано: «Едет по особому высочайшему повелению для розыска материалов по Пугачёвскому бунту» и что все «губернаторы обязаны оказывать ему на месте всякую помощь».

Такого человека прошляпили!

106

Когти поэта

Наутро Пушкин получил приглашение отобедать у казанского поэта Эраста Перцова.

После застолья сели за шахматы. Играл гость плохо, часто отвлекался, но зато изящно отдавал свои фигуры, подталкивая их в западню своим знаменитым длинным ногтем на мизинце. Когда Пушкин продолжил своё путешествие и добрался до Яицкого городка – Уральска, его длинные ногти наделали много шума. Перепуганные казаки донесли своему начальству: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, лицом смуглый – подбивал под пугачёвщину и дарил золотом: должен быть Антихрист, потому что вместо ногтей у него когти».

Любезный дурняшка

Все прижизненные портреты поэта были сделаны художниками, которые знали, что перед ними Пушкин, и им трудно было избежать восторженности. Но вот, до нас дошёл словесный необычайно живой портрет поэта, «нарисованный» неизвестной девушкой, по воле случая оказавшейся рядом с ним:

«В этот день у Губернатора обедал молодой человек, нас не познакомили, и я не знала, кто он таков. Я запомнила наружность этого гостя, на вид ему было более 30. Он носил баки. Смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы – вообще, неправильные черты. Но что у него было великолепного – так это тёмно-серые с синеватым отливом глаза. Нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее, а притом ласкающее. Я никогда не видела лица более выразительного. Когда он смеялся, блестели его ослепительно белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорит. Ах, сколько было ума и жизни в его искусственной речи. А какой он весёлый, любезный – прелесть! Этот дурняшка мог нравиться...»

ЭТОТ ДУРНЯШКА МОГ НРАВИТЬСЯ...

Как Пушкин в баню ходил

Под Казанью, в излучине речки Нокса Александр Сергеевич искал пугачёвский дуб. Погода была сырая, и ноги озябли. «Дядька» казанского поэта Эраста Перцова Никифор, нагрел в кадушке воды. Пушкин опустил ноги, довольный, крикнул, и вдруг стал разговаривать со своими ногами! «Эх вы, ноги мои, ноги, исходили по указке царя все дороги!» Но на том дело не кончилось...

Вечером, когда он с Перцовым пошёл в баню, тот удивился, что Пушкин стал разговоры вести, по мере намыливания, со своими ушами, глазами, шеей, плечами... Чем ниже скользила мочалка, тем доверительнее и поэтичнее становился разговор. Одна из таких пушкинских прибауток сохранилась в дневнике Эраста Перцова: «Ах ты, попка моя худущая, с щёчками бледными! Вместо вас были бы у меня две подушки пуховы, как у разбитной Матрёны, я бы вас таки лелеял, таки холил, не давал бы тискать ни жиду, ни облезлому чиновнику, а только гусару Денису Давыдову!»

«Мочи нет, болею...»

Наутро Пушкин отправился в Суконную слободу к шерстяному заводу, а оттуда напрямик в самое словоохотливое местечко – «Горлов кабак», называемый так потому, что рабочие здесь, набравшись водки, драли горло вольными песнями. Здесь Пушкин встретился с очевидцем восстания Василием Бабиным. Со слезами на глазах тот живописал зверства карателей над пугачёвцами: «Вешали за ребро, сажали на кол. Рели (т.е. виселицы) стояли ещё лет десять после Пугачёва и петли болтались для острастки».

Чтобы показаться среди завсегдатаев своим, Пушкин потребовал шей горшок и водки – штоф, наутро же в письме домой, пожаловался: «Мочи нет, болею...».

На ужин – поэма с барашком

Последний ужин был обещан Карлу Фуксу, врачу, учёному и краеведу. Беседуя, они возвращались после прогулки по городу. У крыльца дома Фукса поджидал посыльный от больного. Он хотел было отказать, но Александр Сергеевич пристыдил и «принудил его ехать», так что совместный ужин был принесён в жертву клятве Гиппократата. Таким образом, Пушкин ужинал тет-а-тет с супругой Карла Фёдоровича поэтессой Александрой Андреевной.

Из письма Александры Фукс своей подруге мы знаем, что подавали в этот день на стол: была утка в яблоках по-люнебургски, как экзотику поднесли барашка по-татарски, а на десерт «кусочки сдобного теста в меду».

Они провели добрых два часа, Фукс читала ему свою длинную в 405 строк поэму под названием «Жених». Пушкин чрезвычайно хвалил, просил повторить на бис отдельные места. Но, кажется, поэт лукавил, стихи были, как бы это сказать, никакие-с.

Подтверждение тому: ни одно из многочисленных произведений Александры Андреевны, посланных Пушкину для «Современника», не было опубликовано. Её многочисленные к нему письма поэт не хранил. Одно из них было найдено пушкиноведами в томике Языкова изрезанным на закладки.

«Наивные Фуксы и не подозревали, – полагает пушкиновед Евгений Бобров, – что столичный гость сердечно над ними потешался».

Ах ты, сукин сын!

Как бы там ни было ранним утром, покидая Казань, Пушкин послал Фуксам благодарственную записку с приглашением посетить его в Петербурге, а своей супруге Наталье Гончаровой отправил письмо следующего содержания:

«Я в Казани с пятого... Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками – современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

И добавил: «Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорождённый младенец. Дорогою волочился я за одними восьмидесятилетними старушками, а на молоденьких зассых и не глядел!»

